

Он верил в мистику судьбы. В ютубе есть видео: автозак с номером 2020, на котором полицейские увозят его после очередной акции на Триумфальной...

В последнюю встречу он сказал с хрипловатым смехом:

— Уезжаю в Индию!

Я позвонил ему за несколько дней до смерти, потому что он, вопреки обыкновению, не отвечал на почту, и я не знал, что он в больнице.

Он не сразу подошел, гудки мне показались длиннее обычного, было плохо слышно, голос был плохо различим.

— Вы в Индии? — прокричал я.

И мне так услышалось, что он подтвердил.

«В Индию Духа нупить билет...», помните, у Гумилева?

Перечитываю переписку с ним по e-mail. Каждое письмо, самое короткое — законченное произведение.

«Сидите в ГД?

Снучно, наверное?

Приходите, Сергей!

Крокодилье мясо у вас есть?

Нужен хвост, сделаю отличный крокодилий стэйн.

Ваш,

Э. Лимонов»

Лимонов — это всегда «интерес к себе», как он выразился в одном письме из Лефортова, и говорить о нем хочется через себя.

С Эдуардом странно связана вся моя жизнь.

Меня еще не было на свете, а он еще не уехал и пришел домой к моим родителям, на Фрунзенскую набережную. Кудрявый юноша провожал к моему папе-священнику его духовную дочь Анастасию Ивановну Цветаеву. Лимонов легко вспомнил тот день, когда я ему сказал.

Он эмигрировал, а волею судеб к моему отцу приехала за пастырским советом брошенная первая лимоновская жена, безутешная Анна, и стала присылать из Харькова большущие письма.

Когда мне было десять-одиннадцать, некоторые прелестные и трогательно-детские стихи Лимонова («Вот хожу я по берегу моря...», «А я всегда с собой...») мне нараспев читали Бачурины, Евгений и его жена Светлана, в свое время перепечатавшая их на машинке и близко дружившая и с Эдуардом, и с его Еленой.

В тринадцать лет, осенью 93-го, я сбежал из дома на баррикады и, блуждая среди толп и дыма костров, встретил Лимонова в бушлате и в намуфляжной кепке и в крупных очках, уже прошедшего несколько войн.

Мне было четырнадцать, когда у него появился штаб — бункер на Фрунзенской. Подвал под отделением милиции, где я впоследствии получил паспорт. Я не записался к нему в партию, но ждал каждый номер его газеты, и тогда же стал ходить на его еженедельные лекции в подземелье, которые сразу же обозвал «встречи с классином». Помню, как побывал на первой его акции — Дне Нации, прогуляв последние уроки, и недавно узнал себя на снимках: пацаненок со школьным портфелем за плечами.

Лимонов всегда был за Родину и за свободу, и если это понять, то мнимые противоречия отступают, и история его сражений становится ясной и последовательной.

В это же подростковое время я запоем прочитал его романы, рассказы, стихи, публицистику, и все это взрывало мозги и переворачивало сердце. Когда читаешь Лимонова, кажется, что через тебя ток идет, и оторваться уже нельзя: смертельно, сладостно, жутко, великолепно. Стихия, которая захватывает целиком.

Поколение, да и не одно, вышло из его солдатской шинели. Лимонов — отец армий одиночек. Он сохранил в себе в избытке и детское, и юношеское, и оттого его так любят и будут любить молодые.

Когда он уехал на Алтай, среди двенадцати его приближенных учеников-«партизан» оказался мой двоюродный брат Олег Шаргунов, житель Екатеринбурга. В 2001-м на Алтае Эдуарда арестовали, обвинив в подготовке восстания русских жителей Северного Казахстана...

Свой первый роман о любви, вдохновленный его первым романом, я, можно сказать, посвятил ему, отдав в 21 год всю премию на его адвокатов. В сущности, так начался мой путь в литературе.

Однажды он подарил мне книгу Illuminations с надписью: «Человеку, который нас никогда не предал».

Ему и 7, и 17, и 77 навсегда.

Он мог написать в своем ЖЖ «Мой ультиматум», и, несмотря на орфографическую ошибку, этот текст был политически значительнее любых партийных манифестов и художественнее большей части современной прозы.

Лимонов осмелился быть самим собой.

Отвага, недостижимая для большинства даже хороших писателей.

Таких, как он, никогда не было и не будет. Самый смелый и самый свободный. И предельно честный. «Патологически честный», — как он сам говорил.

Он бежал всего скучного и банального. Аристократ духа, он не терялся, попадая на любую почву, и почва его поддерживала (хотя

оставался верен русской почве). Он легко и вольно чувствовал себя в любой обстановке — на рабочей окраине Харькова, в богемных кружках советской Москвы, в Нью-Йорке, в Париже, в воюющей Сербии, в онопах Приднестровья, на баррикадах, в тюрьмах, на светских раутах — потому что никогда не был привязан к вещам.

Кстати, неприязненное отношение к Лимонову — безошибочный показатель мещанства и мертвости. И в политике, и в литературе.

Лимоновский природный дар — точность и свежесть пойманных слов, образов, ритма. Он писал быстро и набело. Он выдавал тексты без воды, чистый спирт.

После каждой его книги всегда было сложно что-то еще читать. Все казалось ненастоящим.

Он доказал, что написанное слово еще может сводить с ума. Он не просто имел свой голос, он поменял отечественную литературу — ленсица, темы, стиль. Внес в нее живой разговорный язык улиц. Настоящая революция.

Автор изысканных стихов. Автор невероятной прозы. Мыслитель и провидец, придумавший лозунги, идеи, мечты и для государства, и для оппозиции. Блестящий полемист. Воин, предводитель огромной всероссийской дружины. Эстет в смокинге и с бокалом шампанского, окруженный лучшими женщинами, и он же — аскет, дервиш-бедняк, не имевший в собственности вообще ничего, всю жизнь на съемных квартирах. Великий посторонний, который навсегда остался неудобным, непонятым, раздражающим.

Лимонов весел, но трагичен, задает главные вопросы. В откровенности им написанного есть таинственное мужество сакральных текстов. Он срывает покровы иллюзий. Ведь человек не знает, откуда пришел и куда идет. И страдает, лишенный подлинного. И вдруг его жалит лимоновский глагол. Сколько, как в древности, воспламененные проповедью, оказались готовы бросить все и стать другими...

Лимоновский острый интерес к себе, на самом деле, — это интерес к мирозданию. Мнимый его нарциссизм — отчаянное утверждение всего рода людского и самой жизни наперекор абсурду распада. В его демонстративном самовозвеличивании всегда что-то от самоуничтожения. Лимонов победно, ярче всего повествовал о предательствах женщин и товарищей, об обидах, переживаниях, о проигрышах и провалах.

Нак-то, помню, он стоял возле здания, где судили его молодых друзей, было ветрено, серо, подсочила журналистка с намерой:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Я никто и звать меня никак... — с насмешливой горечью прошелестел он на ветру.

